

Внезапно нахлынула легкая грусть.

Нин Вэйфэн еще несколько раз протер зеркало. В нем отразилось молодое тело: худощавое, но пропорциональное, с четко очерченными мышцами. От теплой воды по бледной коже разлился легкий румянец. На ней не было тех шрамов, что впоследствии испортили его красоту.

Ноги длинные, сложение идеальное, вот только рост... в этом мире это серьезный недостаток.

Грусть внезапно усилилась вдвое.

Впрочем, какой бы миловидной ни была внешность и каким бы «миниатюрным» ни казался рост, на реальную силу Нин Вэйфэна это не влияло. Он никогда не был слабаком. Когда-то, благодаря выдающимся навыкам, он смог одолеть противника двенадцатого уровня, будучи на одиннадцатом. А сейчас его уровень боевых искусств... кажется, лишь середина четвертого. Хотя, если учесть, что из восьми с лишним миллиардов жителей Земли лишь три тысячи достигли четвертого уровня, это не так уж плохо.

Нин Вэйфэн принял несколько поз бодибилдера. Его жилистое, но крепкое тело таило в себе огромную взрывную мощь. Тонкая, гибкая талия, на животе — отчетливые кубики пресса и «дорожка Адониса», результат долгих тренировок.

Взгляд скользнул ниже.

Нин Вэйфэн вздохнул.

Сколько уже этот маленький Вэйфэн бунтует? Неужели дело и правда в нехватке мужчин и невозможности выплеснуть жар?

Однако в одном мама была права. Нин Вэйфэн не просто полгода как одинок — он прожил прошлую жизнь до ста трех лет и ни разу не познал близости. Ни любовников, ни постельных партнеров, даже элементарной мастурбации. Он просто стеснялся признаться маме, что является таким редким экземпляром, который хранил девственность больше ста лет.

Впрочем, в масштабах галактики одиночек в триста-пятьсот лет было немало. Это как в деревне: если не вышел замуж к тридцати, будут судачить, а в большом городе тридцать — это самый расцвет.

В будущем, при развитых технологиях, Нин Вэйфэн мог прибегать к помощи приборов. Но сейчас их нет, и ему пришлось задействовать «девушку-пять-пальцев», используя мыльную пену для смазки.

Больше ста лет самообслуживания — это как тереть левую руку правой, до зевоты скучно.

Нин Вэйфэн по привычке провел пальцами по запотевшему зеркалу. Несколько штрихов — и перед ним возник изысканный, выразительный лик.

Кто, если не Му Ин?

В прошлой жизни Нин Вэйфэн непонятным образом отдал свое сердце этому человеку. Когда тоска становилась невыносимой, он рисовал образ возлюбленного в самых укромных уголках. С каждым разом получалось все точнее. Даже сейчас, глядя на простой силуэт, он почувствовал, как внизу живота разливается жар, мгновенно охватывая все тело.

Там, внизу, все мгновенно налилось твердостью, едва не случился преждевременный финал.

Какой же он извращенец!

Нин Вэйфэн поспешно стер рисунок, закрыл глаза и, продолжая движения, прислушался к тяжелому дыханию, эхом отдававшемуся в ванной. В голове всплыли последние слова Му Ина перед тем, как он взорвал себя:

— Я иду тебя забрать!

— Живи! Вернись!

Этот человек, этот голос, эти слова подействовали лучше любого афродизиака. Волны наслаждения нахлынули с новой силой. Нин Вэйфэн чувствовал, как каждая клетка его тела пробудилась, став невыносимо чувствительной. Вскоре он разрядился, и послевкусие долго не отпускало.

Но следом пришла пустота, копившаяся десятилетиями.

Холодная белая плитка стен. Зеркало, уже не затуманенное паром, отражало его фениксовы глаза, в которых еще не угасла истома...

— Я умер.

— Где ты сейчас?

— Ты собирался меня забрать? Зачем звездному воителю, известному своей безжалостностью, заботиться о жизни наемника?

— Возможно, твое последнее проявление внимания было лишь предсмертной иллюзией. Как у той девочки со спичками, которая видела сказочные сны, пытаясь согреться перед смертью.

— Я вернулся к жизни.

— А где ты?

— Нет, нас по-прежнему разделяет целая галактика.

Нин Вэйфэн не выдержал. Опустившись на колени под струи воды, он издал невнятный, почти плачущий стон.

— Проклятое небо, почему даже после смерти я все еще думаю о тебе? Дайте человеку нормально переродиться!

\*\*\*

Надев домашнюю одежду, Нин Вэйфэн вышел из ванной, сел на кровать и прикрепил физиотерапевтический прибор к правому колену, ушибленному при падении, чтобы облегчить боль от старой травмы. Затем он надел на запястье браслет-нейрокомпьютер.

Прибор пустил по телу слабый электрический импульс, отчего кожа, еще чувствительная после недавней разрядки, отозвалась зудом.

Нин Вэйфэн проигнорировал это ощущение, потер запястье и достал из ящика стола гладкий, влажный на ощупь белый камень.

Этот камешек когда-то принадлежал звездному воителю Му Ину. У него было загадочное происхождение: он не имел веса, плотности, не вытеснял воду, не сканировался приборами, не отображался на фотографиях. Странный объект, лишенный всех физических свойств, но при этом нарушающий законы Вселенной: его можно было видеть, трогать, а при падении он издавал отчетливый стук.

Его прочность и стабильность были самыми высокими во Вселенной. Он не деформировался, не вступал в химические реакции, не распадался. Вечное существование. Даже тот чудовищный взрыв не смог его уничтожить.

Поэтому его называли Камнем Пустоты — воплощением небытия.

Нин Вэйфэн переродился, сохранив не только память, но и этот камень, что доказывало: его столетняя жизнь не была сном.

Камень был единственной связью между ним и звездным воителем. Десятилетиями, когда чувства сводили его с ума, Нин Вэйфэн спасался только этим камнем.

Стоило вспомнить возлюбленного, как угасший огонь желаний снова начал тлеть.

Да что же это за болезнь такая!

Динь-динь-динь.

Прибор на колене подал сигнал об окончании процедуры. Нин Вэйфэн снял его, встал и подошел к окну. Его пальцы нежно и с тоской погладили гладкую поверхность камня.

— Десятилетиями я тосковал по тебе, старался стать лучше, выкладывался на полную, лишь бы ты хоть раз взглянул на меня... А если подумать, какой смысл в чувствах, которые втоптаны в грязь? — Нин Вэйфэн вздохнул.

Он понимал: как холодный и безжалостный воитель, как верховный главнокомандующий, Му Ин поступил правильно — принес в жертву одного ради победы в битве и спасения миллиардов жизней. К тому же его безответная любовь была лишь его личной драмой. Му Ин не знал, а если бы и узнал, то наверняка не ответил бы взаимностью.

Но разум разумом, а в глубине души у Нин Вэйфэна все же осталась обида.

— Поэтому... хватит. Я попытаюсь забыть тебя и начну новую жизнь. В этот раз я должен защитить свою семью и исправить все прошлые ошибки, — сказал он.

Камень, как обычно, хранил молчание, подобно его безнадежной любви. Нин Вэйфэн привык разговаривать сам с собой. Вздохнув, он, полный решимости, не раздумывая, выбросил камень в окно.

Стало немного легче.

Камень исчез в цветах под окном. Нин Вэйфэн подавил импульс выбежать и искать его. Он зашел в ванную, плеснул в лицо холодной водой, дожидаясь, пока краснота в уголках глаз исчезнет, а затем, потеряв лицо, натянул улыбку.

Среди ряда белоснежных зубов особенно выделялись два маленьких клыка, которые делали его моложе и придавали лицу беззащитное, миловидное выражение.

Нин Вэйфэн невольно нахмурился.

Скитания по галактике — дело не веселое. Ради выживания ему пришлось через многое пройти, и чтобы никто не считал его мягкотелым, он редко улыбался.

Но!

Нин Вэйфэн вдруг снова расслабленно улыбнулся.

Главное — сила! Сила и еще раз сила! Если он станет сильнее, неважно, как он выглядит — пусть даже как ребенок-старик. Он был уверен в своих способностях: в прошлой жизни, даже в самых тяжелых условиях, он смог найти путь. Неужели в этот раз, прожив жизнь заново, он не добьется прогресса?

Подумав о прекрасном будущем и живых родителях, он искренне улыбнулся. Выйдя из спальни, он спустился вниз, где слышались голоса родителей. Разумеется, говорила мама, а папа лишь изредка отзывался.

— Старик, ты заметил, что наш Тантан последние два дня ведет себя странно?

— М-м.

— Со вчерашнего дня он какой-то не такой. Обнимал меня, плакал, смеялся, чуть в обморок от радости не упал! А еще второй день валяется в постели! Он с детства был послушным и не доставлял хлопот. А сегодня утром, чтобы подольше поспать, даже начал подлизываться и капризничать. — В ее голосе сквозило нескрываемое удивление.

— О.

— Думаешь, Тан наконец понял, что только папа и мама любят его больше всех, и перестал убиваться по тому мерзавцу? Ох, лишь бы мой малыш больше не был таким подавленным. И знаешь, я сегодня предложила ему познакомиться с хорошим парнем, а он не отказался! Даже согласился на свидание. Чудеса! Нет, я должна найти ему кого-то еще лучше, более верного, чтобы тот слепой идиот из прошлого локти кусал.

— М-м?

Нин Вэйфэн мысленно добавил отцовский вопросительный знак: а сын правда согласился? И сам же ответил: нет, конечно!

К тому же, прожив еще шестьдесят-семьдесят лет, он давно забыл, кто был тем «мерзавцем», о котором говорила мама. Да и спрашивать не хотелось — неважно. Однако то, что в ванной он мог возбудиться, только представляя себе невозможного человека — это точно болезнь, которую надо лечить!

Прожив сто лет «одиноким псом», он не собирался наступать на те же грабли. Раз уж небеса дали ему шанс, не стоит вечно вешаться на одном дереве.

Пусть он будет как дерево феникса — недостижимым и легендарным. Лучше забыть прошлое, ценить настоящее, схватиться за тех, кого можно удержать, и начать новую счастливую жизнь! Нин Вэйфэн решил: он будет ходить на свидания с кем угодно, с любым диким парнем, лишь бы избавиться от статуса столетнего девственника и проверить, можно ли еще что-то спасти!

Поэтому, спустившись к столу, он с улыбкой сказал своей маме-свахе:

— Ну, рассказывай, с кем там можно сходить на свидание?

\*\*\*

Дом Нин Вэйфэна находился на юге Китая, в национальном природном заповеднике горы Фэнхуан в городе Н.

В последние годы экономика Китая развивалась, уровень культуры граждан рос, и люди все больше внимания уделяли экологии и здоровью. Благотворительная группа «Цыцзи» десятилетиями занималась улучшением земной среды, поэтому государство создало множество постоянных заповедников.

Миграция людей сменила формат. Сначала все стремились из деревень в города, где прописку получить было трудно; потом — обратно в деревни, где прописка стала еще дороже; а теперь люди переселялись прямо в горы, наслаждаясь первозданной жизнью. Правда... прописаться в горах было почти невозможно.

В заповедниках не могло жить много людей. Без выдающихся способностей стать «горным жителем» не удавалось.

У подножия гор, в пригодных для жизни местах, строились поселки. Благодаря развитию технологий, виртуальной реальности и безбумажному офису многие работали прямо из дома через «Небесную сеть». Социальное обеспечение было на высоте: малые недуги лечили в местных медпунктах, а при серьезных болезнях прилетали медицинские дирижабли.

Нин Вэйфэн жил в поселке Циу под пиком Циу горы Фэнхуан. Население — более тридцати тысяч человек, довольно крупный поселок. Там была площадь, где мама и ее подруги разучивали танцы для участия в национальном конкурсе.

Задачей Нин Вэйфэна сегодня было оценить их танец и подсказать, что можно улучшить.

Почему именно он? Потому что когда-то он был гимнастом мирового уровня и одним из трех тысяч человек на Земле с четвертым уровнем боевых искусств. Сила и красота всегда связаны, а танец он точно не испортит.

Несколько десятилетий назад на Земле появился некий Дуаньму Цы, прозванный «Мудрецом».

Он подтолкнул технологический прогресс, но опасался, что человечество станет слишком зависимым от технологий и деградирует. Он пожертвовал свое колоссальное состояние на создание группы «Цыцзи», улучшил экологию и открыл людям путь эволюции — изучение боевых и духовных искусств.

Дуаньму Цы бесплатно опубликовал методики тренировок. Сначала над ним смеялись, но потом нашлись последователи, и вскоре у людей стали прорываться уровни, а некоторые с помощью медитации развили духовную силу. Это доказало, что эволюция возможна.

Так началось повальное увлечение тренировками. Дуаньму Цы разделил искусство на двенадцать уровней, каждый из которых имел три стадии. Неизвестно, было ли это совпадением или он действительно коснулся законов Вселенной, но его система уровней была очень похожа на ту, что принята в Большом Космосе.

Уровень землян был невысок из-за плохой экологии и лени. Гены Нин Вэйфэна считались хорошими, у него были отличные рефлексы и талант к боевым искусствам.

Хотя его уровень был лишь четвертым, опыт одиннадцатого уровня и десятилетия знаний из космоса позволили ему применить принципы высшей механики и эстетики. Он упростил движения танца, сделав их более плавными и легкими для изучения — в этом и заключался принцип боевых искусств «сложное превратить в простое».

Мама и ее подруги были в восторге и попросили его учить их.

Нин Вэйфэн взял на себя роль ведущего танцора. Люди на площади, делавшие утреннюю зарядку, начали собираться вокруг. Нин Вэйфэн, привыкший к большим сценам, не смутился и зазывал:

— Присоединяйтесь, танцуем вместе!

Танцевальный коллектив подхватил:

— Танцуем все!

Площадные танцы хороши тем, что в них участвуют все. Простые и красивые движения прижились по душе прохожим, и они начали вливаться в толпу.

Се Ханьчи, старший сын старосты поселка — тот самый, с которым мама хотела познакомить Нин Вэйфэна, — тоже присоединился к танцующим.

Се Ханьчи был высоким, статным, с аурой успешного бизнесмена. Он был спокойным, воспитанным и невероятно обаятельным. А главное — он танцевал так круто, что это казалось почти нарушением правил.

Он знал, что пришел на свидание, но не стал одеваться официально. На нем был простой, но стильный светло-серый костюм ручной работы и кожаные сандалии. Его уверенность и легкость заставляли девушек краснеть и тянуться к нему.

Однако взгляд Се Ханьчи был прикован к юноше, ведущему танец.

Тот сиял, словно под софитами, и никто другой для Се Ханьчи больше не существовал. Сердца множества девушек, надеявшихся привлечь его внимание, разбились вдребезги.

...

Нин Вэйфэн показал движения семь-восемь раз, пока женщины не запомнили их, и объявил перерыв. Люди, получившие массу удовольствия, спрашивали, можно ли вступить в команду.

Мама Нин, прихватив маму Се, оставила восторженную толпу и повела Се Ханьчи к Нин Вэйфэну.

Они оба понимали, зачем пришли. Нин Вэйфэн внимательно оглядел Се Ханьчи, тот спокойно улыбался, позволяя себя изучать. К этому мужчине было не придраться: красавец, с чистым взглядом, уверенный, но не высокомерный.

Внешность, одежда, характер — все вызывало симпатию.

Мама Нин, увидев, что сын доволен, подмигнула маме Се. Та посмотрела на своего непутевого сына, который глаз не мог отвести от Нин Вэйфэна, и решила не вмешиваться. Свахи, выполнив миссию, оставили парней и ушли гулять по рынку.

Двум мужчинам не нужно было ломаться, и они пошли прогуляться по дамбе за поселком.

Поселок был невелик, все сверстники знали друг друга. Семья Се была самой богатой в округе, их род был одним из старейших и влиятельнейших торговых кланов Китая. Все трое детей в семье были элитой.

Се Ханьчи был старшим, на год старше Нин Вэйфэна. По словам мамы, они ходили в один детский сад, но потом Нин Вэйфэн ушел в сборную по гимнастике, готовился к Олимпиаде, работал в другом городе, и они почти не общались. Теперь же, с памятью из космоса, этот знакомый из детского сада казался Нин Вэйфэну совсем чужим.

Се Ханьчи оказался человеком открытым и энергичным:

— Фэн-шэнь, вообще-то я твой фанат. Я смотрел каждое твое выступление. Можешь дать автограф?



А?

Выступление?

Нин Вэйфэн замер. Турнир зверей на планете Кейт? Межгалактические гонки мехов? Или рейтинг боевых искусств Галактического Альянса?

Ладно, неважно, какой турнир. В огромной Вселенной, полной талантов, как он, простой паренек, стал объектом для охоты за автографами?

Се Ханьчи не мог уловить волны, исходящие от Нин Вэйфэна, который витал где-то за триллионы световых лет. Он лишь видел, как этот милый парень с солнечной улыбкой удивленно распахнул глаза и приоткрыл губы, выглядя невероятно очаровательно.

Се Ханьчи смягчился и искренне добавил:

— Не переживай. Хотя ты и проиграл в последнем матче из-за старой травмы, это не отменяет твоих способностей. Злые слова — от зависти, не бери в голову.

Нин Вэйфэн пришел в себя, отогнал космические воспоминания и пробудил старые, забытые чувства. Он почувствовал доброту друга и улыбнулся:

— О, турнир KSV? Все в порядке, я не принимаю это близко к сердцу.

Нин Вэйфэн действительно не переживал — он почти забыл, что в молодости был так популярен.

Нин Вэйфэн жил в заповеднике не просто так. Отец был обычным ботаником, а мама — дочерью одного из четырех великих кланов Пекина. У него была отличная генетика, быстрая реакция и идеальные пропорции.

Как говорили в романах про уся: «Юноша, у тебя редкое сложение костей, ты — талант в боевых искусствах...»

Благодаря великому Дуаньму Цы, тренировки стали нормой, и физические показатели людей резко выросли. Олимпийские рекорды постоянно падали, конкуренция была бешеной.

<http://bllate.org/book/19844/1953743>